

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314:908

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭТНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1930-Х ГГ. НА БЕЛГОРОДЧИНЕ (ЧАСТЬ II)¹

CAUSES AND CONSEQUENCES OF "ETHNIC REVOLUTION" 1930'S IN BELGOROD REGION (PART II)

В.В. Бубликов
V.V. Bublikov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bublikov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье исследуется малоизученная проблема причин и последствий радикального изменения численности и соотношения русского и украинского населения на территории Белгородчины в 1930-е гг. Автором показано, что более чем трехвековой период совместного освоения и проживания русских и украинцев, сохранявших, несмотря на тесное хозяйственное взаимодействие, основные черты отдельных этнических групп, был прерван голодом 1932–34 гг., который стал основной причиной и катализатором многократного сокращения числа украинцев на территории Белгородчины. В работе впервые публикуются и анализируются результаты переписей населения 1926 и 1939 гг. по малым административно-территориальным единицам того времени (волостям и районам), свидетельствующие о разном уровне этно-демографических потерь районов Белгородчины вследствие голода 1932–34 гг. Проанализированные автором статистические данные и архивные свидетельства показывают вынужденный, «политический» характер «перехода» примерно 400 тыс. украинцев Белгородского региона в состав «русских» (в официальных документах и при переписях) в результате как общественно-политических последствий голода 1932–34 гг., так и коренного изменения национальной политики в СССР в первой половине 1930-х гг.

Resume. The article raises the problem investigated the causes and consequences of the radical changes in the number and ratio of Russian and Ukrainian population in the Belgorod region in the 1930s. The author shows that the three-century period of joint development and living Russians and Ukrainians, persists despite the close economic cooperation the main features of the individual ethnic groups, was interrupted by famine 1932–34 yy., which has become a major cause for multiple reduce numbers of Ukrainians in Belgorod region. In the article for the first time published and analyzed the results of census 1926 and 1939 on small administrative-territorial units of that time (counties and districts), showing different levels of ethno-demographic losses Belgorod regions, as a result of the famine 1932–34 yy. The author analyzed the statistics and archival evidence shows forced the "political" nature of the "transition" of about 400 thousand Ukrainians of Belgorod region in the "Russians" (in official documents and census), as a result of a social and political consequences of the famine years 1932–34, and a radical change in the national policy of the Soviet Union in the first half of the 1930s.

Ключевые слова: этнический состав, русские, украинцы, Слобожанщина, Белгородская область, Центральное Черноземье, Голодомор, голод 1932–34 гг.

Keywords: ethnic composition, Russians, Ukrainians, Sloboda region, Belgorod region, Central Black Earth region, Holodomor, famine of 1932–34 yy.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Белгородской области научного проекта № 17-13-31601.

Среди российских этнографов и историков пока нет консенсуса относительно причин «этнической революции» 1930-х гг. в РСФСР. Некоторые считают многократное сокращение числа украинцев «естественным процессом ассимиляции». Так, например, Л.Н. Чижикова указывает: «Изменения в определении национальной принадлежности лиц украинского происхождения ... были обусловлены совокупностью сложных причин. Огромную роль играли факторы совместного длительного проживания и общность исторических судеб и социально-экономического развития. Проведение ленинской национальной политики, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, социалистическое строительство, рост образования и культурного уровня сельских жителей, усиление урбанизации и связанной с ней подвижности населения, увеличение дисперсности в расселении – эти и многие другие факторы способствовали созданию экономического и культурного единства всего населения» [Чижикова, 1988, С. 50].

Другие ученые, как например В.М. Кабузан, считают «сомнительным, чтобы более чем трехмиллионное украинское население, компактно проживающее на обширной территории, могло изменить свое этническое самосознание естественным путем за столь непродолжительный период времени» [Кабузан, 2006, С. 336]. Впрочем, и выводы Л.Н. Чижиковой относительно причин деукраинизации региона также неоднозначны – «важными факторами изменения национального самосознания у лиц украинского происхождения являются принятый в школе русский язык обучения, а также язык местного делопроизводства, радиовещания, телепередач и др.» [Чижикова, 1988, С. 52]. Учитывая директивный, принудительный характер перевода официальной сферы в украинских районах Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в 1933 г. на русский язык, нам представляется неправомерным считать это фактором «естественной ассимиляции».

До 1930-х гг. ассимиляционные процессы в регионе протекали очень медленно и имели двунаправленный характер – в поселениях и районах с преобладающим русским населением постепенно ассимилировались украинцы, а в районах с доминирующим украинским населением – русские². Естественная ассимиляция как явление предполагает два обязательных условия: во-первых, значительное численное преобладание одной этнической группы над другой, а во-вторых, длительность протекания этого процесса, когда одна малая группа постепенно «растворяется» (посредством смешанных браков) в составе другой.

В исследуемом регионе обе указанные предпосылки для процесса естественной ассимиляции отсутствовали. Большинство территорий и поселений к 1930-м гг. сохраняло свой исторический этнокультурный облик, русское и украинское население находилось в почти равном соотношении, а самое главное – ни о какой постепенности в изменении национального состава не было и речи, четырехкратное сокращение числа украинцев произошло за одно десятилетие.

Проиллюстрируем высказанный тезис примером трансформации этнического состава населения Краснояружской волости/района³, граничащей с Сумской областью Украины, т. е. составлявшей с ней единый этнический массив в 1920–30 гг. В 1926 г. в Краснояружской волости проживало 30,1 тыс. украинцев (88,2%) и 3,9 тыс. русских (11,5%) [Всесоюзная перепись, 1928, С. 75]. К 1939 г. численность основных групп меняется практически с точностью до наоборот: 36,0 тыс. – русские (96,2%) и 1,3 тыс. – украинцы (3,4%) [РГАЭ РФ]. Как 11,5% русских, находясь в украинской языковой среде, за 13 лет смогли неким «естественным образом» ассимилировать 88% украинцев, проживавших к тому времени на этой территории не менее трех столетий? Такие цифры свидетельствуют о чисто политических факторах, заставивших местное украинское население «записаться» русскими.

Что же стало социально-политическими факторами, приведшими к смене официальной национальной идентичности половиной украинского населения Белгородского региона или примерно каждым четвертым ее жителем?

² Так, например, в 1926 г. в некоторых волостях число лиц с родным русским языком превышало количество этнических русских, а в других, напротив, количество людей, указавших родным украинский язык, превышало число украинцев.

³ Территория Краснояружской волости в 1926 г. была несколько меньше территории одноименного района в 1939 г., однако на общей этнической динамике эти небольшие несовпадения не могли отразиться.

Основными причинами многократного сокращения численности украинского населения и последующей ассимиляции его остатков стала цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий первой половины 1930-х гг.: голод 1932–34 гг. и срочный перевод всех украиноязычных образовательных учреждений, прессы, делопроизводства и т. п. на русский язык с 1 января 1933 г.

Ответственность за голод 1932–34 гг. и его масштабы полностью лежала на советском руководстве: рост хлебозаготовительных планов в конце 1920 – начале 1930-х гг. рано или поздно должен был закончиться массовым голодом. Так, например, К.С. Дроздов приводит следующие цифры роста заготовок зерновых культур по ЦЧО: в 1928 г. – 682 тыс. т., в 1929 г. – 1821 тыс. т., в 1930 г. – 2000 тыс. т., в 1931 г. – 2459 тыс. т. [Дроздов, 2011, С. 297], т. е. масштаб заготовки хлеба всего за три года вырос в 3,6 раза, и это при снижении урожайности, вследствие коллективизации и раскулачивания. Кроме того, «обязательные хлебозаготовки, которые в 1932 г. приняли характер насильственных реквизиций» [Там же, С. 309] на кризисный 1932 г. были распределены по районам ЦЧО поразному. «Если в 75 из 103 северных и центральных «русских» районах планы хлебозаготовок в 1932 г. были уменьшены, то в 27 из 52 южных «украинских» районах эти планы были значительно увеличены по сравнению с предыдущим годом. В такой ситуации катастрофа, подобная голодомору на Украине, становится неизбежной и здесь» [Там же].

Особую абсурдность самому факту голода в южных (украинских) районах ЦЧО придавало и то, что с давних пор эти районы считались наиболее богатыми и зажиточными в регионе. Так, еще в середине XIX в., характеризуя Воронежскую губернию, статистики отмечали: *«северные уезды беднее южных, что и отражается в быте жителей»* [Военно-статистическое... Воронежская губерния, 1850. С. 34]. Схожая характеристика дается и почти через столетие, в 1927 г.: *«украинское население в экономическом отношении не является отсталым, наоборот, сравнение основных экономических факторов русских и украинских районов дает благоприятное положение для украинцев»* [Цит. по: Дроздов, 2011, С. 289]. Таким образом, население края с давних пор не знавшее столь массового проявления голода, к тому же в мирное время, было застигнуто масштабами голода 1932–34 гг. практически врасплох.

Поскольку проблематика голода 1932–34 гг. в советский период находилась под фактическим запретом для исследователей [См.: Кондрашин, Тюрина, 2009], а в постсоветское время таких исследований в России было немного, то неудивительно, что количественные оценки последствий голода для населения региона варьируются в значительных пределах. Минимальная из содержащихся в научных изданиях оценок числа прямых утрат от голода приводится в работе П.В. Загоровского, который оценил эти потери для ЦЧО числом в 241 тыс. человек [Загоровский, 1995, С. 88]. Учитывая, что от голода «наиболее сильно в Центрально-Черноземной области пострадали именно бывшие районы полной и частичной украинизации, где преобладало украинское население» [Дроздов, 2010, С. 26], т. е. территории современной Белгородской области и южные районы Воронежской области, то исходя из оценки Загоровского, можно с высокой вероятностью оценить прямые потери населения Белгородской области в не менее чем 100 тыс. человек.

Вместе с этим, оценка потерь П.В. Загоровского, по всей видимости, существенно занижена. При записи причин смерти в голодные 1932–34 гг. врачи часто не указывали настоящую причину – истощение вследствие голода. Так, например, в спецсообщении Секретно-политического отдела ОГПУ из Борисовского района (ныне – Белгородская область) от 1 апреля 1933 г. отмечается: *«Отдельные целиком вымершие семьи лежат замерзшими в своих хатах по несколько дней, со стороны сельсоветов мер к их похоронам не принималось. Местные врачи случаи (смерти) от голода скрывают, выдавая о причинах смерти фиктивные справки. Врач райбольницы по этому вопросу заявлял: «Мы не пишем справок о голодной смерти из-за боязни того, что нас, врачей, могут обвинить в каком-либо вредительстве»»* [Трагедия советской деревни, 2001, С. 661].

Реальная демографическая статистика в тот период времени находилась под грифом «секретно» и стала доступна историкам и демографам только в постсоветское время. Так по данным Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР естественная убыль населения (т. е. без учета возможного миграционного оттока) в период с 1 января 1933 по середину 1934 г. в Центральном Черноземье составила

1179,8 тыс. человек (с 12165,3 тыс. до 10985,5 тыс. человек) [рассчитано по: Голод в СССР, 2013, С. 641–644]. Вместе с этим сокращение численности населения ЦЧО на 1,2 млн. человек в 1933–34 гг. произошло за счет действия двух факторов: роста смертности и сокращения рождаемости. Оба этих фактора являются последствиями голода, однако сокращение числа рожденных не может включаться в статистику по числу напрямую погибших (умерших) от голода. Именно поэтому в масштабах всего Черноземья, исходя из данных статистики ЦУНХУ Госплана СССР, общее число погибших вследствие голода 1932–34 гг. скорее всего, составляет около 900–1000 тыс. человек и еще 200–300 тыс. – не рожденные из-за тяжелых условий жизни, роста числа аборт, смертей матери с плодом и т. д. Таким образом, оценка П.В. Загоровского для ЦЧО в сравнении с засекреченными данными статистики ЦУНХУ Госплана СССР занижена примерно в четыре раза.

Еще одним способом оценки числа потерь от голода 1932–34 гг. является сопоставление результатов переписей населения 1926 и 1939 гг., согласно которым на территории современной Белгородской области проживало 1621 тыс. и 1447 тыс. человек соответственно, т. е. сокращение за тринадцатилетний межпереписной период составило 174 тыс. человек. Однако необходимо также учитывать, что во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. благодаря высокому уровню рождаемости продолжался естественный прирост населения (разумеется, за исключением периода 1932–34 гг.). Поэтому оценка потерь в 174 тыс. также, безусловно, является заниженной.

Более масштабные цифры демографических потерь Белгородчины приводит в своих работах Н.В. Чугунова. Согласно ее данным, за 1930–1939 гг. численность жителей региона сократилась с 1,8 до 1,4 млн. человек, т. е. примерно на 400 тыс. [Чугунова, 2011, С. 33]. Разумеется, в эту оценку нужно внести поправку на миграцию жителей региона за его пределы, потери вследствие репрессий в процессе коллективизации и в период 1937–38 гг. Однако демографические потери в результате репрессий и миграции населения не идут ни в какое сравнение с последствиями голода 1932–34 гг. Демографические потери Белгородчины в 1930-е гг. – это, прежде всего, потери от голода 1932–34 гг.

Наконец, на некоторых официальных ресурсах встречаются и более масштабные оценки потерь от голода и репрессий. Так, например, на сайте Управления образования Белгородского района в разделе «Наш край – освоение Белгородской области» приводятся следующие сведения: «своего максимума численность населения Белгородчины (1850 тыс. человек) достигла в 1930 г. В дальнейшем коллективизация и голод привели к огромным потерям населения, которые составили около 500 тыс. человек» [Управление образования администрации Белгородского района]. Однако, на наш взгляд, эта оценка может быть справедлива, только если она характеризует не только прямые, но и косвенные демографические потери, т. е. учет не только людей, непосредственно умерших от голода, но и оценку числа не рожденных у них детей, а также последствия репрессий 1930-х гг.

Таким образом, диапазон оценок прямых потерь населения, проживавшего на территории современной Белгородской области в 1932–34 гг., очень широк: от 100 до 500 тыс. человек. Вместе с этим, основываясь, прежде всего, на данных демографической статистики и переписей населения, наиболее вероятной нам представляется оценка прямых потерь числом 300–350 тыс. человек. Эта оценка выглядит более обоснованной и в сравнении с потерями соседнего украинского региона, Харьковской области, где масштабы голода были, безусловно, большими, как в смысле интенсивности голода, так и размеров региона. По результатам масштабного историко-демографического исследования, базирующегося на сравнении численности реальных поколений по данным переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг., эксперты Института демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи НАН Украины пришли к выводу, что прямые потери от голода 1932–34 гг. в Харьковской области⁴ составили 1038 тыс. человек [Левчук, 2013]. Опираясь на данные потерь в соседних регионах Украины, можно констатировать, что оценка прямых потерь в 400–500 тыс. человек для территории Белгородской области является, скорее всего, завышенной.

⁴ В тот период в состав Харьковской области также частично входили и территории современных Полтавской и Сумской областей.

Еще менее исследованной проблемой остается вопрос масштабов потерь от голода 1932–34 гг. двумя основными народами северной Слобожанщины – русскими и украинцами. Прямые статистические сведения тех времен, в силу уже обозначенной недостаточной достоверности статистики причин смертности населения того периода, не могут ответить на вопрос, в какой мере пострадали два основных этноса региона. Однако косвенные сведения о различной интенсивности голода в «русских» и «украинских» районах содержатся в материалах двух переписей населения 1926 и 1939 гг.

Ввиду кардинального пересмотра административно-территориального устройства в Центральном Черноземье в период между переписями населения 1926 и 1939 гг. сопоставлять данные о численности и национальном составе населения волостей (по данным 1926 г.) и районов (по данным 1939 г.) по большинству этих административных единиц практически невозможно. Помимо общего сокращения числа административно-территориальных единиц, границы районов очень часто были проведены «посередине» волостей. Вместе с этим границы некоторых волостей/районов практически совпали, что дает возможность сопоставить сведения о численности населения и его этническом составе и оценить масштабы голода 1932–34 гг. в разных частях Белгородчины. Так, например, территории Ровеньской и Шаталовской волостей практически полностью совпадают с границами одноименных районов, в которых была проведена перепись населения 1939 г. Сравнение масштабов потерь населения и их этнического распределения по этим двум районам представляет особый исследовательский интерес, поскольку обе волости до голода 1932–34 гг. были моноэтническими: в Ровеньской волости 95% жителей составляли украинцы, а в Шаталовской – 95% русские. Кроме того, эти волости близки по размеру и численности населения (в 1926 г. 42,9 тыс. и 47,2 тыс. человек, соответственно) – таблица 1.

Таблица 1
Table 1

Национальный состав Ровеньской и Шаталовской волостей (районов) Воронежской губернии (области) по данным переписей населения 1926 г. и 1939 г.

[рассчитано по: Всесоюзная перепись, 1928; РГАЭ РФ]

Ethnic composition Rovenskoy and Shatalovskoy counties (districts) of the Voronezh province (region) according to the census in 1926 and 1939 yy.

Волость / район	Перепись 1926 г.				Перепись 1939 г.			
	Русские	Украинцы	Прочие	Всего	Русские	Украинцы	Прочие	Всего
Ровеньская(ой)	1722	40652	535	42909	4 340	28 004	319	32663
Шаталовская(ий)	44975	2 254	6	47235	46 658	183	187	47028

Итак, за межпереписной период 1926–1939 гг. общая численность населения Шаталовской волости/района, находящейся на севере современной Белгородской области, мало затронутой голодом, сократилась всего на 0,4%: с 47,2 до 47,0 тыс. человек. При этом небольшое украинское этническое меньшинство сократилось в двенадцать раз: с 2,3 до 0,2 тыс. человек, а численность русских, напротив, возросла с 45,0 до 46,7 тыс. человек.

Потери населения в Ровеньской волости/районе в межпереписной период 1926–1939 гг. были гораздо масштабнее – 24% или 10,2 тыс. человек. Для сравнения, количество погибших жителей этой волости в Первой мировой и Гражданской войнах составило «всего» 1,0 тыс. человек [Тарадин, 1926, С. 66]. Динамика численности разных этносов в Ровеньском районе была диаметрально противоположной: численность украинцев сократилась с 40,7 до 28,0 тыс. человек (–31%), русских – возросла с 1,7 до 4,3 тыс. человек (+152%) – таблица 1.

Таким образом, можно констатировать, что масштабы распространения голода 1932–34 гг. на территории Белгородской области были разными: северные, преимущественно русские по национальному составу районы, пострадали незначительно, в то время как в южных, украинских, депопуляция составила около ¼ к уровню 1926 г. Как указывает В.В. Кондрашин: в ЦЧО «в 1933 г. в наибольшей степени пострадали от голода пшеничные районы, пшеничный клин, где традиционно жили украинцы» [Кондрашин, 2014, С. 193]. Данный вывод подтверждается и сохранившимися сведениями о масштабах и последствиях голода, приходивших «с мест» в правительственные и партийные органы. В секретном сообщении ОГПУ от 8 июня 1933 г. (пик голода): «Наиболее острые продза-

труднения продолжают испытывать районы южной части области, в том числе районы, граничащие с Украиной – Уразовский, Борисовский, Валуйский, Н.-Оскольский, Ровенский и другие» [Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 2005, С. 426].

Голод имел такие масштабы, что массовым стало употребление в пищу не только суррогатов (трав, корней деревьев, собак и кошек и т. п.), но и привел к многочисленным случаям каннибализма, информация о которых поступала, прежде всего, из южных, преимущественно украинских по этническому составу районов – Борисовского, Грайворонского, Великомихайловского, Ровеньского и др. Так, например, органы ОГПУ регулярно докладывали в своих сводках областным партийным руководителям: «В Борисовском районе население испытывает большие продзатруднения. Особенное напряжение с продовольствием в Борисовском сельсовете. За время зимы и весны 1933 г. лишь по одному селу Борисовке умерло от голода более 1000 человек... Колхозники покидают села и уезжают в города. Так, бригадир колхоза Борисовского сельсовета Ложак уехал с женой, оставив 5 человек детей, запертых в хате» или «В хуторе Вишиново, Лознянского сельсовета, Ровеньского района беднячка-колхозница Солодовникова Анастасия Яковлевна из 4 умерших у нее детей 3 сварила и съела» [Сабов, 2006, С. 9].

Весной 1933 г. в Борисовском районе «от голода опухло громадное количество людей, массовым явлением стали нищие, особенно дети. Среди последних смертность доходила до 70–90 человек в день» [Дроздов, 2011, С. 318]. Однако и районные, и областные, и тем более общесоюзные власти не только не спешили помочь своему населению, но и зачастую не скрывали своего злорадства: «В нашей слободе бывает мертвых ежедневно от 3 до 6 человек... Умерших от голода даже не стали хоронить на кладбищах... Власти на такую обстановку смотрят с едкой усмешкой, стараясь показать, вот, мол, что мы можем сделать», писали в письме Сталину жители украинской слободы Рыбинские Буды Обоянского района (ныне юго-запад Курской области) [Загоровский, 1998, С. 45].

Таким образом, учитывая внутрорегиональную географию голода, из общего числа прямых потерь населения Белгородчины от голода 1932–34 гг., оцениваемых нами в 300–350 тыс. человек, не менее 2/3 составили этнические украинцы (т.е. 200–250 тыс.) – рис. 1.

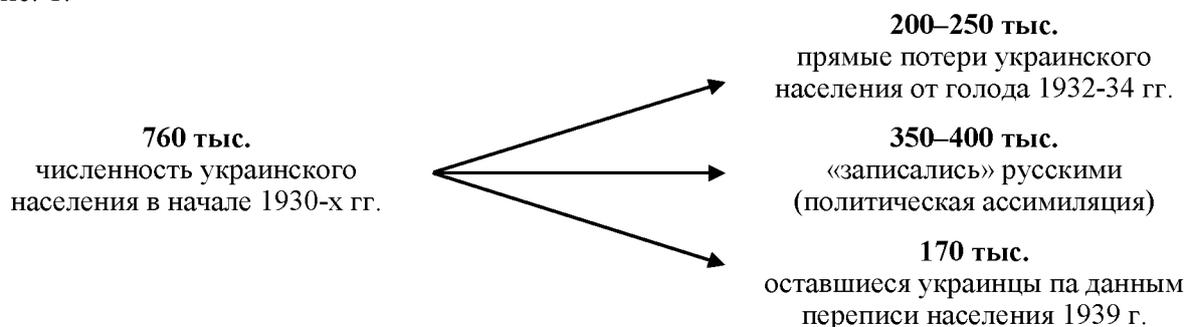

Рис. 1. Оценка причин и объемов сокращения численности украинского населения Белгородчины в 1930-е гг.

Fig. 1. Assessment of the causes and the volume reduction in the number of Ukrainian population in the Belgorod region in 1930s.

Однако еще большее число украинцев Белгородчины – почти 400 тыс. человек – изменило свою «официальную» национальную идентичность (т. е. в документах и при переписях населения) к 1939 г. Последствия голода, прошедшего, прежде всего, по населенным украинцами зажиточным районам юга Центрального Черноземья, в совокупности с переводом всех созданных за предыдущее десятилетие украиноязычных школ, газет, органов управления на русский язык, а также использование версии об «украинском национализме» НКВД во время большого террора во второй половине 1930-х гг., вся эта цепь взаимосвязанных событий сформировала у местного украинского населения представления о «нецелесообразности» официально декларировать свою принадлежность к украинскому народу. Как справедливо констатирует К.С. Дроздов, «Сталин в кризисной ситуации 1932 г. попытался окончательно

«разрешить» на Украине и в украинизированных районах РСФСР оба вопроса разом: крестьянский и национальный» [Дроздов, 2011, С. 333].

К 1939 г. от 683 тыс. украинцев, зафиксированных переписью 1926 г. (или 760 тыс. – по оценке на начало 1930-х гг.), осталось всего 170 тыс. Из 31 района территории современной Белгородской области русские стали преобладать в 29 районах (таблица 2). Преимущественно украинскими остались лишь Ровенский (украинцы – 85,7%) и Ладомировский (73,8%) районы на востоке Белгородчины. По всей видимости, сохранение районов с населением у которых преобладала украинская идентичность именно в этой части северной Слобожанщины было обусловлено тем, что на территории бывшего Острогожского полка доля украинцев исторически была максимальной во всем исследуемом регионе. До сих пор в языке, традициях, материальной культуре населения на юго-востоке Белгородской области заметно сильное украинское влияние несмотря на то, что большинство украинского по происхождению населения уже официально идентифицирует себя русскими.

Таблица 2

Table 2

Национальный состав административно-территориальных единиц (районов и городов) Воронежской и Курской областей по данным переписи населения 1939 г., территории которых в настоящее время находятся в составе Белгородской области [РГАЭ РФ]
Ethnic composition the administrative-territorial units (districts and cities), Voronezh and Kursk regions according to the census of 1939 y., the territory of which are now a part of the Belgorod region

Административно-территориальная единица	РУССКИЕ		УКРАИНЦЫ		ПРОЧИЕ		ВСЕГО чел.
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Всего на территории современной Белгородской области	1 270 339	87,78	169 695	11,73	7 113	0,49	1 447 147
<i>Районы, входившие в Воронежскую область</i>							
Алексеевский р-н	60 166	96,53	1 890	3,03	270	0,43	62 326
Буденновский р-н	56 271	96,56	1 816	3,12	191	0,33	58 278
Вейделевский р-н	18 611	60,47	11 944	38,81	221	0,72	30 776
Ладомировский р-н	5 013	25,78	14 344	73,77	87	0,45	19 444
Никитовский р-н	37 445	97,72	725	1,89	150	0,39	38 320
Ровенский р-н	4 340	13,29	28 004	85,74	319	0,98	32 663
Уколовский р-н	36 599	98,73	315	0,85	156	0,42	37 070
Шаталовский р-н	46 658	99,21	183	0,39	187	0,40	47 028
<i>Районы, входившие в Курскую область</i>							
г. Белгород	30 416	88,52	2 839	8,26	1 104	3,21	34 359
Белгородский р-н	46 332	96,42	1 517	3,16	204	0,42	48 053
Беленихинский р-н	21 673	99,00	153	0,70	67	0,31	21 893
Боброво-Дворский р-н	39 752	99,25	191	0,48	109	0,27	40 052
Больше-Троицкий р-н	26 123	59,85	17 394	39,85	130	0,30	43 647
Борисовский р-н	29 309	60,05	19 291	39,53	207	0,42	48 807
Валуйский р-н	54 790	95,64	2 094	3,66	406	0,71	57 290
Велико-Михайловский р-н	20 531	62,98	11 962	36,69	108	0,33	32 601
Волоконовский р-н	54 219	96,78	1 648	2,94	154	0,27	56 021
Грайворонский р-н	33 735	67,80	15 721	31,60	297	0,60	49 753
Ивнянский р-н	36 556	98,57	370	1,00	162	0,44	37 088
Корочанский р-н	65 387	92,65	4 969	7,04	216	0,31	70 572
Краснояржужский р-н	36 003	96,24	1 274	3,41	131	0,35	37 408
Микояновский р-н	34 925	97,56	758	2,12	115	0,32	35 798
Ново-Оскольский р-н	46 969	88,50	5 918	11,15	187	0,35	53 074
Прохоровский р-н	39 841	93,15	2 790	6,52	141	0,33	42 772
Ракитянский р-н	52 998	96,27	1 790	3,25	263	0,48	55 051
Саженский р-н	29 776	93,48	1 971	6,19	106	0,33	31 853
Скороднянский р-н	45 618	98,76	438	0,95	136	0,29	46 192
Старо-Оскольский р-н	81 392	97,86	1 141	1,37	638	0,77	83 171
Томаровский р-н	40 443	97,71	852	2,06	97	0,23	41 392
Уразовский р-н	26 912	68,65	12 154	31,01	133	0,34	39 199
Чернянский р-н	46 945	98,02	823	1,72	124	0,26	47 892
Шебекинский р-н	64 591	95,97	2 416	3,59	297	0,44	67 304

Позднее, уже во времена активной урбанизации Белгородской области в 1960–70-е гг., автохтонное украинское население Белгородчины, переселяясь в крупные города, стало чуждаться своего языка и даже акцента, а любые попытки заявить о праве на образование на родном языке воспринимались властями как проявление «чуждого социалистическому обществу буржуазного национализма». Как считает К.С. Дроздов, «Отказ от политики украинизации положил начало переходу от национально ориентированной политики коренизации к унитарной централизаторской политике денационализации, в основу которой была положена идеология советского патриотизма и великодержавности» [Дроздов, 2010, С. 15].

По данным последней переписи населения Российской Федерации 2010 г., из 42 тыс. украинцев, проживающих в Белгородской области (2,8% всего населения), лишь 4 тыс. являются уроженцами региона (0,2% жителей) [рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики РФ]. Таким образом, за восемь десятилетий коренное украинское население северной Слобожанщины сократилось с примерно 760 до 4 тыс. человек, или почти в двести раз!

Вместе с этим «официальная», политическая ассимиляция украинцев российской части Слобожанщины не является полноценной или «окончательной». Так, исследования А.А. Гриценко конца 2000-х годов показали, что присутствие украинской культуры у местного населения «почти на порядок превосходит долю лиц украинской национальности по переписям населения» [Гриценко, 2010, С. 15]. По нашим наблюдениям, большинство старожильческого населения Белгородской области, имея, как правило, полиэтническое, смешанное русско-украинское происхождение, во многом ассоциирует национальную (этническую) принадлежность со страной проживания, т. е. отождествляет гражданскую и этническую идентичность по принципу «раз мы живем в России, то лучше записаться русскими». При этом «элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий» [Гриценко, Крылов, 2012, С. 135]. Более того, недавние исследования (2012 г.) А.А. Гриценко и М.П. Крылова показывают, что на значительной части юга Белгородской области (равно как и в приграничных с Украиной районах Курской и Воронежской областей) русские и украинские этнокультурные компоненты в идентичности жителей до сих пор, несмотря на полное отсутствие инфраструктуры поддержания и развития украинской этнической идентичности (школ, СМИ и пр.), находятся в равном соотношении [Там же, С. 136].

Кроме того, у жителей российской части Слобожанщины присутствует и инструментальность этнического сознания, когда люди «выбирают» из своей полиэтнической родословной ту идентичность, которая представляется более комфортной или выгодной в текущих общественно-политических условиях, которые имеют свойство меняться. Так, например, еще несколько десятилетий назад быть евреем, немцем или поляком в Советском Союзе было не очень «престижно», в последние же годы успешность стран происхождения этих этносов сделала принадлежность к ним значительно более социально престижной, и теперь многие россияне «выискивают» у себя еврейские, немецкие или польские корни, причем не только для возможности репатриации в соответствующие страны, но и для выражения некоего более высокого социокультурного статуса [См.: Штейн, 2005]. Возможно, когда-нибудь аналогичные процессы развернутся и в северной Слобожанщине, на Кубани и в иных регионах, заселенных в значительной части жителями украинского происхождения.

Список литературы References

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XIII. Часть 2. Воронежская губерния. СПб: Департамент генерального штаба, 1850. 264 с.
Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom XIII. Chast' 2. Voronezhskaja gubernija. Saint Petersburg: Departament general'nogo shtaba, 1850. 264 p. (in Russian).
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том III. Центральнo-черноземный район. Средне-вожский район. Нижне-вожский район. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.
Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Tom III. Central'no-chernozemnyj rajon. Sredne-volzhsckij rajon. Nizhne-volzhsckij rajon. Moscow: Izdanie CSU Sojuza SSR, 1928. (in Russian).

3. Голод в СССР. 1929 – 1934. Т. 3: Лето 1933 – 1934. / Отв. составитель В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2013. 960 с.

Golod v SSSR. 1929 – 1934. T. 3: Leto 1933 – 1934. / Otv. sostavitel' V.V. Kondrashin. – Moscow: MFD, 2013. 960 p. (in Russian).

4. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореф. дисс. ... канд. географ. наук. М., 2010. 25 с.

Gricenko A.A. Vlijanie politicheskikh i landshaftnyh granic na regional'nuju identichnost' v rossijsko-ukrainskom porubezh'e: avtoref. diss. ... kand. geograf. nauk. Moscow, 2010. 25 p. (in Russian).

5. Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126-140.

Gricenko A.A., Krylov M.P. Jtnokul'turnyj gradient: regional'naja identichnost' i istoricheskaja pamjat' v sosednih rajonah Rossii i Ukrainy // Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija. 2012. T. 1. № 2. P. 126–140. (in Russian).

6. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. 30 с.

Drozdoz K.S. Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskih nacional'nyh otnoshenij v Central'nom Chernozem'e (1923–1933 gg.): avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. Moscow, 2010. 30 p. (in Russian).

7. Дроздов К.С. Голод 1933 года в южных украинизированных районах Центрально-Черноземной области РСФСР: спланированный Москвой этногеноцид украинского народа или закономерный итог сталинской политики? // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 282–338.

Drozdoz K.S. Golod 1933 goda v juzhnyh ukrainizirovannyh rajonah Central'no-Chernozemnoj oblasti RSFSR: splanirovannyj Moskvoy jtnogenocid ukrainskogo naroda ili zakonomernyj itog stalinskoj politiki? // Sovremennaja rossijsko-ukrainskaja istoriografija goloda 1932–1933 gg. v SSSR / nauch. red. V.V. Kondrashin. Moscow: ROSSPJeN, 2011. P. 282–338. (in Russian).

8. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области: 1928–1934. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. 152 с.

Zagorovskij P.V. Social'no-politicheskaja istorija Central'no-Chernozjomnoj oblasti: 1928–1934. Voronezh: Izd-vo VGU, 1995. 152 p. (in Russian).

9. Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1998. 132 с.

Zagorovskij P.V. Social'no-jekonomicheskie posledstvija goloda v Central'nom Chernozem'e v pervoj polovine 1930-h godov. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1998. 132 p. (in Russian).

10. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М.: Наука, 2006. 658 с.

Kabuzan V.M. Ukraincy v mire: dinamika chislennosti i rasselenija. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Moscow: Nauka, 2006. 658 p. (in Russian).

11. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. – общая трагедия народов СССР: национально-региональный аспект // Советские нации и национальная политика в 1920 – 1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. С. 187–201.

Kondrashin V.V. Golod 1932 – 1933 gg. – obshhaja tragedija narodov SSSR: nacional'no-regional'nyj aspekt // Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920 – 1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g. – Moscow: ROSSPJeN, 2014. P. 187–201. (in Russian).

12. Кондрашин В.В., Тюрина Е.А. «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией» документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94–128.

Kondrashin V.V., Tjurina E.A. «Govorit' o golode schitalos' chut' li ne kontrevoljuciej» dokumenty rossijskih arhivov o golode 1932-1933 gg. v SSSR // Otechestvennye arhivy. 2009. № 2. P. 94–128. (in Russian).

13. Левчук Н.М. Районна диференціація втрат населення України унаслідок голоду в 1933 році // Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада

2013 р. / Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України; Інститут історії України НАН України; Київський національний університет імені Тараса Шевченка; Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ, 2013. С. 263–264.

Levchuk N.M. Rajonna dyferenciacija vtrat naselennja Ukrai'ny unaslidok golodu v 1933 roci // Golod v Ukrai'ni u pershij polovyni HH stolittja: prychny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Materialy Mizhnarodnoi' naukovoi' konferencii'. Kyi'v, 20–21 lystopada 2013 r. / Instytut demografii' ta social'nyh doslidzhen' imeni M.V. Ptuhy NAN Ukrai'ny; Instytut istorii' Ukrai'ny NAN Ukrai'ny; Kyi'vs'kyj nacional'nyj universytet imeni Tarasa Shevchenka; Nacional'nyj universytet «Kujevo-Mogyljans'ka akademija». Kyi'v, 2013. P. 263–264. (in Ukrainian).

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ РФ), фонд 1562, опись 336, Д.Д. 966–1001 («Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам»), Д.Д. 256–427 (табл. 26 «Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов»).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe RF), fond 1562, opis' 336, D.D. 966–1001 («Nacional'nyj sostav naselenija po SSSR, respublikam, oblastjam, rajonom»), D.D. 256–427 (tabl. 26 «Nacional'nyj sostav naselenija rajonov, rajonnyh centrov, gorodov i krupnyh sel'skih naselennyh punktov») (in Russian).

15. Сабов А. Голодная правда // Российская газета. № 4240 от 6 декабря 2006 г. С. 9.

Sabov A. Golodnaja pravda // Rossijskaja gazeta. № 4240 ot 6 dekabnja 2006 g. P. 9. (in Russian).

16. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-h t. / T. 3. 1930–1934 gg. Kn. 2. 1932–1934 gg. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. Moscow: ROSSPJeN, 2005. 840 p. (in Russian).

17. Тарадин И. Воронежская деревня. Выпуск I. Слобода Ровеньки. Воронеж: Воронежское краевед. изд-во, 1926. 171 с.

Taradin I. Voronezhskaja derevnja. Vypusk I. Sloboda Roven'ki. Voronezh: Voronezhskoe kraeved. isd-vo, 1926. 171 p. (in Russian).

18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.

Tragedija sovjetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy. V 5-ti tt. / T. 3. Konec 1930–1933 / Pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. Moscow: ROSSPJeN, 2001. 1008 p. (in Russian).

19. Управление образования администрации Белгородского района Белгородской области: http://www.uobr.ru/content.php?p_id=10&mt=12.

Upravlenie obrazovanija administracii Belgorodskogo rajona Belgorodskoj oblasti: http://www.uobr.ru/content.php?p_id=10&mt=12. (in Russian).

20. Федеральная служба государственной статистики РФ, база микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>.

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF, baza mikrodannyh Vserossijskih perepisej naselenija 2002 i 2010 gg.: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>. (in Russian).

21. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М.: Наука, 1988. 256 с.

Chizhikova L.N. Russko-ukrainskoe pogranich'e. Moscow: Nauka, 1988. 256 p. (in Russian).

22. Чугунова Н.В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М.: ГЕОС, 2011. 140 с.

Chugunova N.V. Social'no-demograficheskoe razvitie Belgorodskoj oblasti izmenjajushhejsja Rossii. Moscow: GEOS, 2011. 140 p. (in Russian).

23. Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2005. 50 с.

Shtejn E.E. Formirovanie jetnicheskoi samoidentifikacii u potomkov russko-evrejskih brakov v sovremennoj Rossii: avtoref. diss. ... dokt. istor. nauk. Moscow, 2005. 50 p. (in Russian).